

КАЗАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АБАЙ

«TURKIY XALQLARNING MA'NAVIY INTEGRATSIYASI: TILI, ADABIYOTI, MADANIYATI»

MAVZUSIDAGI II XALQARO ILMIY-NAZARIY KONFERENSIYA

TOSHKENT - 2025

**O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI OLIY TA'LIM, FAN VA
INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI**

**ALISHER NAVOIY NOMIDAGI TOSHKENT DAVLAT
O'ZBEK TILI VA ADABIYOTI UNIVERSITETI**

**«TURKIY XALQLARNING MA'NAVIY
INTEGRATSIYASI: TILI, ADABIYOTI,
MADANIYATI»**

**MAVZUSIDAGI II XALQARO ILMIY-NAZARIY
KONFERENSIYA MATERIALLARI**

TOSHKENT - 2025

Mazkur ilmiy maqolalar to'plamida «Turkiy xalqlarning ma'naviy integratsiyasi: tili, adabiyoti, madaniyati» II Xalqaro ilmiy-amaliy konferensiyasi materiallari jamlangan. Maqolalarda turkiy tillarning rivoji va o'zaro o'xshashliklarini, umumiy adabiy merosimizni ilmiy asosda chuqur o'rganish; madaniy aloqalarni zamonaviy texnologiyalar orqali kengaytirish; tarjima va adabiy almashinuv orqali xalqaro miqyosda muloqotni kuchaytirish; raqamli platformalar orqali integratsiyani amalga oshirishga oid fikrlar yoritib berilgan. To'plamdan dunyo bo'yicha taniqli turkiyshunos olimlar, metodistlar, o'qituvchilar hamda ToshDO'TAU iqtidorli talabalarining maqolalari ham o'rin olgan.

To'plam til va adabiyot ta'limi bilan shug'ullanuvchi professor-o'qituvchilar, shu sohaning tadqiqotchilari, magistrant va talabalarga mo'ljallangan.

Taqrizchilar:

G.Asilova – *pedagogika fanlari doktori (DSc), professor.*

G.Norimova – *filologiya fanlari nomzodi, dotsent.*

Tahrir hay'ati:

S.Muhamedova, S.Qambarova, O.Turaqulova,
Y.Shirnova, M.Yo'ldosheva.

Mazkur to'plam matni Alisher Navoiy nomidagi Toshkent davlat o'zbek tili va adabiyoti universiteti Kengashining 2025-yil 2-iyundagi 10-sonli majlisida muhokama qilinib, nashrga tavsiya qilingan.

Izoh: Maqolalarning ilmiy saviyasi uchun mualliflar o'zlari mas'uldirlar.

DOI: 10.52773/tsuull.conf.2025/LOBZ4180

**ПОЭТИКА ДОМА В РАННЕЙ ПРОЗЕ Л.Н. ТОЛСТОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ «ДЕТСТВО»,
«ОТРОЧЕСТВО», «ЮНОСТЬ»)**

Гайфуллина Миляуша Фаниловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий

m.f.gayfullina@struust.ru

ORCID: 0009-0000-0437-4104

Абдуллина Лилия Бакировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий

l.b.abdullina@struust.ru

ORCID: 0000-0002-7131-7019

Аннотация

Уже в ранней прозе Л.Н. Толстого описание дома – не просто некий фон происходящих событий, но и выражение особого поэтического смысла. В частности, в автобиографической трилогии «портрет» дома является своеобразным ключом к пониманию духовно-нравственной реальности героев. В автобиографической трилогии образ дома является доминирующей сюжетообразующей компонентой текста и выступает в смыслопорождающей роли. Характер главного героя раскрывается через «портрет» дома Иртеневых, представленного в тексте в сложном смысловом соединении описаний «внутреннего» и «внешнего» в устройстве ряда домов (Валахиных, Корнаковых, Ивиных и Нехлюдовых).

Ключевые слова: образ дома, интерьер, литературный характер, творчество Л.Н. Толстого, автобиографическая трилогия.

Abstract

Already in L. N. Tolstoy's early prose, the description of the house is not just a kind of background of events, but also an expression of a special poetic meaning. In particular, in the autobiographical trilogy "portrait" of the house is a kind of key to understanding the spiritual and moral reality of the characters. In the autobiographical trilogy, the image of the house is the dominant plot-forming component of the text and acts in a sense-generating role. The character of the main character is revealed through the "portrait" of the Irtenev house, presented in the text in a complex semantic combination of descriptions of "internal" and "external" in the structure of a number of houses (the Valakhins, Kornakovs, Ivins and Nekhludovs).

Keywords: the image of the house, the interior, the literary character, the work of Leo Tolstoy, the autobiographical trilogy.

ВВЕДЕНИЕ

Сложилось устойчивое мнение, что Л.Н. Толстой – в наибольшей степени из современников – был подвержен творческой эволюции во всех ее проявлениях. По свидетельству Е.Л. Мураткиной, «художественное мировоззрение писателя изменялось на протяжении его долгой жизни. Но еще на раннем этапе творчества Толстой понял, что изучение души человеческой – это задача первостепенной важности, эта мысль стала основой всего творчества писателя. Спасение человека должно начинаться изнутри, с его души» [3, с. 10]. 23-летний Толстой, остро чувствующий свои недостатки и слабости, недовольный своей настоящей жизнью, в попытке преодоления безысходности, обращается к своему прошлому, к своим «истокам».

Практически вся жизнь Л.Н. Толстого прошла в родовом имении Ясная Поляна, ставшим неотъемлемой частью не только жизненного пути писателя, но и всего его творчества.

Описание дома в толстовских произведениях включает в себе особый поэтический смысл. Дом – это не просто жилище, даже не только произведение архитектуры, а жизненное пространство человека, главным компонентом которого является духовно-нравственная реальность человеческого бытия.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» дом становится полноправным действующим лицом, с неповторимым обликом, то есть имеющим свое «лицо» (интерьер, описание усадьбы, внешний вид дома и т.д.) и соответствующий внутренний мир (люди, обитатели этого дома; человеческие взаимоотношения).

В сюжетно-композиционной канве художественного произведения выделяются «портреты» домов нескольких семейств: Валахиных, Корнаковых, Ивиных, Нехлюдовых; среди них цетрообразующее звено – дом Иртеньевых.

Уже с первых страниц трилогии авторское внимание сосредотачивается на усадебной жизни Иртеньевых во всех ее внешних и внутренних проявлениях, где подробнейшим образом описываются дом, комнаты, вещи, они дают возможность ощутить домашний уют: «В середине комнаты стоял стол, покрытый оборванной черной клеенкой, из-под которой во многих местах виднелись края, изрезанные перочинными ножами. <...> Последняя стена была занята тремя окошками. Вот какой был вид из них: прямо под окнами дорога, – на которой каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы мне; за дорогой – стриженная липовая аллея, из-за которой кое-где виднеется плетеный частокол; через аллею виден луг, с одной стороны которого гумно, а напротив лес; далеко в лесу видна избушка сторожа. Из окна направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большие до

обеда. Бывало, покуда поправляет Карл Иванович лист с диктовкой, выглянешь в ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину, смутно слышишь оттуда говор и смех» [5, с. 7]. Описание внутреннего убранства дома плавно перетекает к природным зарисовкам и изображению обитателей дома. Создается впечатление гармонии и безмятежности.

Неотъемлемыми элементами уклада жизни дома Иртеньевых являются чаепития, обеда, охота, игры, прогулки, занятия с учителем, и т.д. – все это изображается как неоднократно повторяющиеся, привычные действия.

Внутренний мир дома Иртеньевых, характер взаимоотношений живущих в нем людей (членов семьи, слуг и т.д.) в художественном тексте очень тонко, во всех мельчайших подробностях, передается через непосредственное детское мировидение Николенки, что позволяет увидеть некоторые детали, которые взрослый взгляд просто бы не заметил.

Особым трепетным чувством описаны любовь к детям матери, Натальи Николаевны, ласки и самопожертвования няни Натальи Савишны, сдержанная любовь к внукам бабушки. «Как форма любви представлена и естественная религиозность людей. Это и непосредственное чувство юродивого Гриши, обращенное к богу, и отношение самого Николенки к матери: «Любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство» [4, с. 98].

Если в трилогии для главного героя образ матери – некий духовный ориентир, то образ отца имеет совершенно иного рода аксиологическую значимость.

В главе «Юродивый» за обеденным столом между родителями Иртеньева возникает внешне незначительный спор по поводу Гриши, живущего в их доме по милости и добродушию матери. Наталья Николаевна просит своего супруга запереть собак, так как они чуть ли не загрызли бедного юродивого. Гриша, услышав, что речь идет о нем, своими неясными лепетами попытался сказать, что не нужно наказывать охотника, натравившего на него собак.

«А! вот что! – сказал папа. – Почему же он знает, что я хочу наказывать этого охотника? Ты знаешь, я вообще не большой охотник до этих господ, – продолжал он по-французски, – но этот особенно мне не нравится и должен быть...»

– Ах, не говори этого, мой друг, – прервала его мама, как будто испугавшись чего-нибудь, – почему ты знаешь?

– Кажется, я имел случай изучить эту породу людей – их столько к тебе ходит, – все на один покрой. Вечно одна и та же история...» [5, с. 19].

В этом небольшом эпизоде видно, что у супругов Иртеньевых разные жизненные установки. Наталья Николаевна в своих поступках и намерениях всегда руководствуется своим добрым сердцем, высокими

религиозными ценностями. А для ее супруга главным в жизни является социальный ориентир. Даже ненароком произнесенная авторская фраза «продолжал он по-французски» подчеркнуто свидетельствует о его предвзятом отношении к людям более низкого социального статуса. Развитие такой тенденции мы наблюдаем и в характере Николенки Иртеньева, которая особенно усиливается в последней части трилогии, в повести «Юность», где главный герой вслед за своим братом Володей и его другом Дубковым начинает увлекаться идеями *comme il faut*. Ярким примером является эпизод («Юность», глава «Я собираюсь делать визиты»), где Иртеньев высокомерно обходиться с людьми, казалось бы, близкими, с детства знакомыми, но по социальному положению находящимися ниже их семьи – стариком Грапом и его сыном Иленькой: «Я холодно поздоровался <...>, не пригласив их сесть, потому что мне было совестно это сделать, думая, что они это могут сделать и без моего приглашения» [5, с. 223].

В нескольких эпизодах трилогии отец предстает как человек, любящий выступать перед публикой, много говорить. Для него очень важно мнение окружающих, особенно влиятельных светских особ. Даже в сцене панихиды матери отец предстает очень «эффектным»: «Его высокая фигура в черном фраке, бледное выразительное лицо и, как всегда, грациозные и уверенные движения, когда он крестился, кланялся, доставая рукою землю, брал свечу из рук священника или подходил ко гробу, были чрезвычайно эффектны; не знаю почему, мне не нравилось в нем именно то, что он мог казаться таким эффективным в эту минуту» [5, с. 89].

В раскрытии образа отца примечателен эпизод (глава «Папа»), где глава семьи разговаривает с приказчиком Яковом. Внимание ребенка занимают более жесты Якова, нежели их диалог: «Чем больше горячился папа, тем быстрее двигались пальцы, и наоборот, когда папа замолкал, и пальцы останавливались; но когда Яков сам начинал говорить, пальцы приходили в сильнейшее беспокойство и отчаянно прыгали в разные стороны» [5, с. 10].

По интенсивности жестов рук Якова можно понять, как он в общении с не очень сведущим в хозяйственных вопросах помещиком умело и ловко может управлять ситуацией в свою пользу:

«– Слушаю-с, сказал Яков. – А какое приказание будет насчет хабаровских денег?

Хабаровка была деревня тамап.

– Оставить в конторе и отнюдь никуда не употреблять без моего приказания.

Яков помолчал несколько секунд; потом вдруг пальцы его завертелись с усиленной быстротой, и он, переменив выражение послушного тупоумия, с которым слушал господские приказания, на

свойственное ему выражение плутовской сметливости, подвинул к себе счета и начал говорить» [5, с. 11].

И говорил он складно и много, по-своему обоснованно, умеючи наступая на слабые стороны своего хозяина, вследствие чего добивается желаемого. Наконец-то, Петр Александрович, произнес нужную и важную для приказчика фразу: «...если в получении этих денег действительно будет задержка, то, нечего делать, возмешь из хабаровских, сколько нужно будет.

– Слушаю-с.

По выражению лица и пальцев Якова заметно было, что последнее приказание доставило ему большое удовольствие» [5, с. 12-13].

После смерти матери привычный уклад в семейной жизни ощутимо меняется, так как именно она была хранительницей домашнего уюта. Перемена сказывается как во внешнем облике дома, так и во внутреннем. Прекращаются традиционные семейные чаепития, торжественные обеды. Особенно болезненно переживает Иртеньев второй брак отца: в мачехе, Авдотье Васильевне, не было «той в высшей степени развитой способности понимания», характерной членам семьи Иртеньевых. И жила она «как будто только сейчас приехала: вставала и ложилась то поздно, то рано; то выходила, то не выходила к обеду; то ужинала, то не ужинала. <...> Еще страннее было для нас то, что в ней было, при гостях и без гостей, две совершенно различные женщины: одна, при гостях, молодая, здоровая и холодная красавица, пышно одетая, не глупая, не умная, но веселая; другая без гостей, была уже немолодая, изнуренная, тоскующая женщина, неряшливая и скупающая, хотя и любящая» [5, с. 310]. В итоге, наблюдается нарушение основополагающих начал бытия, вызванное неприятием сложившихся норм быта и определявших домашнее устройство.

Какие бы изменения в судьбе Иртеньева не произошли, главной нравственной опорой в его жизни является дом, который несет в себе светлую память о матери и воспоминания об ушедшем беззаботном детстве. «Мне невольно представился вопрос: как могли мы, я и дом, быть так долго друг без друга? – и, торопясь куда-то, я побежал смотреть, все те же ли другие комнаты? Все было то же, только все сделалось меньше, ниже, а я как будто сделался выше, тяжелее и грубее; но и таким, каким я был, дом радостно принимал меня в свои объятия и каждой половицей, каждым окном, каждой ступенькой лестницы, каждым звуком пробуждал во мне тьмы образов, чувств, событий невозвратимого счастливого прошедшего» [5, с. 261]. Столько любви и тепла вкладывает автор в эти строчки, сколько свидетельств в этом веры и надежд на устойчивость миропорядка.

Валахины – мать и дочь – были близкими родственниками Иртеньевых, которые «жили в маленьком, чистеньком деревянном домике, вход которого был со двора. Дверь отпер мне, по звону в

колокольчик, который был тогда еще большою редкостью в Москве, крошечный, чисто одетый мальчик. Он не умел или не хотел сказать мне, дома ли господа, и, оставив одного в темной передней, убежал в еще более темный коридор.

Я довольно долго оставался один в этой темной комнате, в которой, кроме входа и коридора, была еще одна запертая дверь, и отчасти удивлялся этому мрачному характеру дома, отчасти полагал, что это так должно быть у людей, которые были за границей. Минут через пять дверь в залу отперлась изнутри посредством того же мальчика, и он провел меня в опрятную, но небогатую гостиную, в которую вслед за мною вошла Сонечка» [5, с. 225-226].

Уже в описании дома, где преимущественно употреблены прилагательные «маленький», «крошечный», заметно, что Валахины небогаты и ведут скромный образ жизни, но с претензией быть более самих себя: наличие колокольчика, вышколенных слуг, что является большою редкостью в городе. А наличие «еще одной запертой двери» - некое выражение ключа для понимания внутреннего мира семьи Валахиных.

Чем живет их семья? Создается впечатление, что между матерью и дочерью складываются очень непростые взаимоотношения. Когда рядом не было матери, Сонечка казалась нисколько неизменившейся: «прелестные выпуклые глаза и светлая, добродушно веселая улыбка были те же, которые я знал и любил в детстве» [5, с. 226]. Но при появлении матери с Сонечкой происходит «странная перемена»: она изменилась в лице, даже улыбка стала другой – превращается в барышню, «приехавшую из-за границы». Хотя «казалось, такая перемена не имела никакой причины, потому что мать ее улыбалась так же приятно и во всех движениях выражала такую же кротость, как и в старину». Поэтому у Иртеньева складываются неоднозначные впечатления об этом семействе. Возникает ощущение, что Валахины ведут скромный, можно сказать, скрытный образ жизни. Таким образом, все детали свидетельствуют о той стороне жизни, которая оказывается на периферии читательского внимания.

Следующее семейство, к которым с визитом приходит Николенька, – Корнаковы. Обратим внимание на описание их дома: «Лестница была чрезвычайно парадна и опрятна, *но не* роскошна. Везде лежали полосухи, прикрепленные чисто-начисто вычищенными медными прутами, *но ни* цветов, *ни* зеркал *не* было. Зала, через светло наложенный пол которой я прошел в гостиную, была также строго, холодно и опрятно убрана, все блестело и казалось прочным, *хотя и не* совсем новым, *но ни* картин, *ни* гардин, никаких украшений *нигде не* было заметно. Несколько княжен были в гостиной. Они сидели так аккуратно и праздно, что сейчас было заметно: они *не так* сидят, когда у них не бывает гостя» [5, с. 229].

Заметим, что уже в описании дома практически в каждой фразе есть момент противопоставления. Поэтому в тексте изначально чувствуется неестественность, некий настрой к тому, что в семье Корнаковых не все так идеально, как кажется или видится. Внутренний мир дома, взаимоотношения членов семьи напоминают театрализованное представление, которое, очевидно, демонстрировалось уже много раз, так как каждый из участников этого действия прекрасно знает свою роль: «Когда она (старшая княжна) говорила о брате и особенно о том, что он против воли татап пошел в гусары, она сделала испуганное лицо, и все младшие княжны, сидевшие молча, сделали тоже испуганные лица; когда она говорила о кончине бабушки, она сделала печальное лицо, и все младшие княжны сделали то же; когда она вспомнила о том, как я ударил St.-Jerome`а и меня вывели, она засмеялась и показала дурные зубы, и все княжны засмеялись и показали дурные зубы» [5, с. 229].

В семье Корнаковых нет индивидуальностей: все члены семьи на одно лицо (в прямом и переносном смысле). Дом напоминает театр одноликих актеров, где главным режиссером, можно сказать, руководителем «семейной труппы», является мать. Она всегда знает, когда и кому выступать: «она взяла меня за руку и подняла свою руку к моим губам, чтобы я поцеловал ее, чего бы я иначе, не полагая этого необходимым, никак не сделал»; «сделала такой жест глазами, что князь, должно быть, догадавшись, чего она хотела, подошел ко мне и самым бесстрастным, даже недовольным выражением лица протянул мне свою небритую щеку, в которую я должен был поцеловать его» [5, с. 230]. Княгиня Корнакова любит работать на публику, поэтому неслучайна деталь в ее портрете: «с бегающими глазами и привычкой оглядываться на других».

Ивины – очень влиятельная и состоятельная семья, что проявляется в описании как внешнего облика дома, так и внутреннего. Каждый элемент дома отличается впечатляющими размерами. Прилагательное «большой» и его синонимы употреблены Иртеньевым практически при характеристике всех частей дома: «в огромном красивом доме», «по большой лестнице», «к большому крыльцу», «комнаты, через которые мы прошли, были чрезвычайно велики, высоки» и т.д. При виде таких громадных размеров дома и богатого убранства Николенька даже оробел: «мне показалось, что я сделался ужасно маленький (и не в переносном, а в настоящем значении этого слова)» [5, с. 232].

Хозяева дома Иртеньева приняли без особой радости, но учтиво. Заметим деталь, которая будет повторяться неоднократно: при разговоре с Николенькой младший Ивин смотрел в брови своего собеседника, то есть взгляд направлен не на глаза говорящего, а выше – инстинктивная демонстрация своего превосходства.

Более теплый и дружелюбный прием оказала Ивина, но и в ее движениях и действиях чувствовалось отсутствие естественности: она много плакала, демонстративно выражая свое сочувствие Иртеньеву по

поводу смерти его матери, ставя при этом в неловкое положение Николеньку. Но с появлением в комнате генерала Ивина она резко изменилась: попрощалась, «вдруг как-то гордо кивнув головой и, так же, как сын, посмотрев мне в брови». А генерал Ивин вовсе никак не отреагировал на главного героя: «Я встал и поклонился ему, но Ивин, у которого было три звезды на зеленом фраке, не только не ответил на мой поклон, но почти не взглянул на меня, так что я вдруг почувствовал, что я не человек, а какая-то не стоящая внимания вещь – кресло или окошко, или ежели человек, то такой, который нисколько не отличается от кресла или окошка» [5, с. 234].

Среди домов, представленных в трилогии, особое место занимает «семейное гнездышко» Нехлюдовых. Можно предположить, что именно этот дом среди других вышеописанных – функционально выступающих фоном – более близок к толстовскому идеалу Дома.

Знакомство Николеньки Иртеньева с семейством Нехлюдовых происходит на их даче в Кунцево. Примечательно, что в тексте практически отсутствует описание дома. В центре внимания – обильные природные зарисовки и непосредственно члены семьи (Дмитрий Нехлюдов, мать Марья Ивановна, сестра Варенька, тетя Софья Ивановна и Любовь Сергеевна), каждый из которых обладает своеобразным богатым внутренним миром. Уже в начале общения, когда Нехлюдов только представлял своих родственников своему другу, Иртеньев заметил, что каждая из дам была занята каким-нибудь делом: «две с работами, одна с книгой, а другая с собачкой».

Нехлюдовы пропитаны природной красотой и силой, их движения и слова естественны, они всегда открыты внешнему миру. Несмотря на возникающие в доме споры, разногласия, чувствуется, что среди членов семьи царит взаимопонимание и любовь. Иртеньев обоснованно при характеристике внутреннего мира дома употребляет слово «кружок», «которому направление и характер, видимо, давала княгиня Марья Ивановна, имел для меня совершенно новый и привлекательный характер какой-то логичности и вместе с тем простоты и изящества. Этот характер выражался для меня и в красоте, чистоте и прочности вещей – колокольчика, переплета книги, кресла, стола, – и в прямой, поддержанной корсетом, позе княгини, и в выставленных напоказ буклях седых волос, и в манере называть меня при первом свидании просто *Nikolas* и он, в их занятиях, в чтении и в шитье платья, и в необыкновенной белизне дамских рук. <...> Но более всего этот характер выражался в их манере, всех трех, отлично говорить по-русски и по-французски, отчетливо выговаривая каждую букву, с педантической точностью доканчивая каждое слово и предложение» [5, с. 251-252].

Очевидно, что общение Иртеньева с Нехлюдовыми благотворно влияет на его духовно-нравственное развитие. Особенно важным и нужным человеком в судьбе юного Николеньки становится Дмитрий

Нехлюдов, который, несмотря на какие-то недостатки в характере своего друга, увидел в Иртеньеве богатый человеческий потенциал и старался взвешенным образом советами развивать его.

ВЫВОД

Таким образом, уже в ранних произведениях Л.Н. Толстого Дом предстает доминирующей сюжетообразующей компонентой текста. «Толстой всегда был убежден в необходимости для каждого человека высшего идеала, руководящего им в хаосе бесконечных воздействий внешнего мира и внутренних импульсов и желаний», – пишет В.Я. Линков [2, с. 53]. Дом, семья являются очень важными, по сути, основополагающими ценностями бытия человека. От содержания того смысла, который в них вкладывается, в немалой степени зависит формирование мироощущения человека и его адаптация к жизненным испытаниям.

В автобиографической трилогии Л.Н. Толстого «портрет» дома Иртеньевых и характер главного героя раскрываются в сложном соединении описаний внешнего и внутреннего мира домов разных семейств. Как писал М.М. Бахтин, самоопределение человека осуществляется по «простой формуле»: «я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого. Но за этой простотой необходимо вскрыть необычайную сложность взаимоотношений участников (их окажется много) этого события» [1, с. 241]. Данная «формула» вполне применима и к толстовскому тексту.

В «потрете» дома Иртеньевых угадываются черты каждого из изображенных в тексте домов: элементы лицемерия, позерства, «эффектного» выступления перед публикой Корнаковых и Валахиных, стремления продемонстрировать свой социальный статус Ивиных зеркально отражаются, в основном, в образе отца, мачехи и уже более взрослого Николеньки (повесть «Юность»); естественность в движениях и действиях, чуткое понимание природы, искренняя любовь и доброта к ближним и окружающему миру Нехлюдовых перекликаются с образом матери, няни и самого юного Иртеньева.

По мнению В.Я. Линкова, «личность в изображении Толстого имеет прочное, почти неизменное ядро, окруженное периферийной сферой философских, религиозных, общественно-политических и других взглядов, которые легко и даже незаметно могут изменяться, при этом личность остается той же» [2, с. 54]. А вот это «неизменное ядро» человека, прочная основа личности формируется в детском возрасте в семье, дома. Безусловно, Николенька Иртеньев – глубокая личность, имеющая прочную духовно-нравственную базу, в формировании которой чувствуется огромная роль матери. Герой трилогии предстает перед нами сразу в своей близости ко всем другим людям и в выраженности в нем глубочайших возможностей человека.

Следовательно, Дом в толстовском произведении – это такое основополагающее жизненное начало, которое оставляет свой «след» в судьбе человека, определяет его биографию. С точки зрения текстообразования Дом выступает в смыслопорождающей роли.

Идеи об «идеальном доме» в творчестве Толстого будут развиваться и в последующих произведениях писателя: попытка создания счастливого семейного мирка в «Семейном счастье» и изображение целой галереи «портретов» домов в «Войне и мире», «Анне Каренине» и т.д.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
2. Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л.Толстого и И.Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989. – 174 с.
3. Мураткина Е.Л. Лев Толстой и Чарльз Диккенс. Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007. – 48 с.
4. Осипова Э. Повесть «Детство» и восприятие раннего творчества Л.Н.Толстого американскими писателями /Л.Н. Толстой в 1850-е годы: рождение художника: Материалы международной научной конференции, проходившей в Тбилиси 4-9 июля 2002г. Тула, 2002. С. 9-17.
5. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность /Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14-ти т. Т.1. М., 1951. - С. 3-329.

DOI: 10.52773/tsuull.conf.2025/IZAU8505

ABDULLA KAHHAR'IN MAHALLE ADLI HİKÂYESİNDE İDEOLOJİK ÖZNELEŞME SÜRECİ

Gözde GÜNGÖR

*Dr. Öğretim Üyesi; Sinop Üniversitesi, Fen-Edebiyat Fakültesi, Türk Dili ve
Edebiyatı Bölümü, Sinop -Türkiye.*

gozdegorg@gmail.com

Orcid: 0000-0002-2634-6793

ÖZET

Edebî metinler yalnızca bireysel yaşantıların estetik temsili değil, aynı zamanda toplumsal ideolojilerin yeniden üretildiği, içselleştirildiği veya görünmez kılındığı yapılardır. Bu bağlamda edebiyat, birey ile toplum arasındaki ideolojik ilişkinin hem içeriksel hem biçimsel düzeyde takip edilebildiği bir alan sunar. Bu çalışma, Sovyet devri Özbek edebiyatında realist hikâyeciliğin güçlü temsilcilerinden biri olan Abdulla Kahhar'ın *Mahalle* adlı hikâyesini L. Althusser'in ideoloji kuramı çerçevesinde çözümlemeyi amaçlamaktadır.

Mahalle adlı hikâyede, eşinin ölümünün ardından hayatla bağlarını koparan Hikmet dedenin yeniden toplumsal sorumluluk üstlenmesiyle başlayan dönüşümü merkeze alınır. Anlatıda, bireyin kolektif ihtiyaçlar ve gündelik yaşam pratikleri aracılığıyla nasıl ideolojik bir özneye dönüştüğü gözler önüne serilir. Başlangıçta Hikmet dede edilgen biriyken mahalleliyle kurduğu ilişkileri, resmi kurumlarla teması ve sonunda mezarını iade etmesi gibi eylemleri sonucunda sosyalist toplumun yeniden üretimine katılan etkin bir özneye dönüşür.

V SHU'BA. MADANIY HAMKORLIKNING TA'LIM TIZIMIDAGI O'RNI: TIL VA ADABIYOT	
Бердин Азат Тагирович. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ГЕНЕЗИСЕ УММЫ В ТЮРКСКИХ РЕСПУБЛИКАХ РОССИИ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ	375
Gahrmanov Sabuhi Adil oglu. THE AIM OF AZERBAIJANISM AND DISSIDENTISM IN KHALIL RZA ULUTURK'S ARTISTIC CREATIVITY	388
Гайфуллина Миляуша Фаниловна, Абдуллина Лилия Бакировна. ПОЭТИКА ДОМА В РАННЕЙ ПРОЗЕ Л.Н. ТОЛСТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ «ДЕТСТВО», «ОТРОЧЕСТВО», «ЮНОСТЬ»)	396
Gözde GÜNGÖR. ABDULLA KAHNAR'IN MAHALLE ADLI HİKÂYESİNDE İDEOLOJİK ÖZNELEŞME SÜRECİ	405
Həsənova Könül Nəriman qızı. POEZİYANIN ÇOXNÖQTƏ İLƏ İŞARƏLƏN LƏKSİK VAHİDLƏRİNDƏ FORMAL QƏNAƏTİN ANLAMA MODELƏRİ	412
Ishonxanova Iroda Abduvaxitovna. ALEKSANDR BOROVKOV – ALISHER NAVOIY TADQIQOTCHISI SIFATIDA	419
Ebru KABAĞÇI. TÜRKİYE'DE EĞİTİM ALANINDA YAZILAN LİSANSÜSTÜ TEZLERDE BAĞIMSIZ TÜRK CUMHURİYETLERİNE YÖNELİK İLGİNİN SEYRİ (2000–2025): AKADEMİK PERSPEKTİFTEN KÜLTÜREL BÜTÜNLEŞMEYE BİR BAKIŞ	427
Кожоева Гулжамал Жайлообаевна. ХИАЗМДУУ КАЙТАЛООЛОРДУН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ	439
Musayev Dəyanət Musa oğlu. BİRİNCİ TÜRKOLJİ QURULTAY VƏ TARİXİ MİSSİYASI	446
Mirzəzadə Rəqsanə. BİRİNCİ TÜRKOLJİ QURULTAYDA İŞTİRAK EDƏN ÖZBƏK NÜMAYƏNDƏLƏRİ	456
Гулноз Сатторова. МУСТАЙ КАРИМ: ШАХС ВА ИЖОД УЙЃУНЛИГИ	461
Nərmîn Rəhimova. RƏŞAD NURİ GÜNTƏKİNİN “ÇALIKUŞU” ƏSƏRİNİN TƏHLİLİ	465
Юсупов Ильшат Фаритович. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА НА МАТЕРИАЛЕ ЗАУРАЛЬСКИХ РАЙОНОВ БАШКОРТОСТАНА	471
Р.А. БАЗАРБАЕВА. КӨРКЕМ МƏТІНДІ ТАЛДАУ АРҚЫЛЫ ОҚУШЫЛАРДЫҢ КРЕАТИВТІ КОМПЕТЕНЦИЯСЫН ДАМУ	478
Inogamova Nargiza Shavkatovna. LINGVOKULTUREMALARNING TIL VA ADABIYOT TA'LIMI JARAYONIDAGI ROLI XUSUSIDA	482
Ranjiyeva Zilola. TILNING PARAMEOLOGIK FONDI	489
Musayeva Sarvinoz. YOZMA NUTQDA IMLOVIY XATOLAR: SABAB VA OQIBATLARI	490
Луана Саттарова, Фания Сулейманова. ПРОБЛЕМА «НЕВЫРАЗИМОГО» В ДНЕВНИКАХ 50-Х ГГ.	493

